

Сергей Молодняков

Облако в погонах

Служу России!

Сергей Молодняков

Облако в погонах

«Горизонт»

2013

Молодняков С. А.

Облако в погонах / С. А. Молодняков — «Горизонт»,
2013 — (Служу России!)

Вполне резонно задать вопрос, что подвигло Вашего покорного слугу «пуститься по волнам моей памяти» и приступить к подготовке данного сборника? Ответ прост: желание вспомнить и рассказать о своём времени, близких людях, творческих поисках и о себе. Звучит несколько пафосно, но учитывая, что автор относится к своей персоне с изрядно долей самоиронии - допустимо. В силу жизненных обстоятельств и неистребимой природной лени, никакой системной творческой работы в моей жизни не было, и все литературные, и рисовальные опыты были «записками на манжетах», разбросанными во времени и пространстве. Приступая к этому проекту, пришлось, буквально, как в сказке: по сусекам поскрести, по амбарам помести, и из того, что сохранилось, набрать на этот «колобок». Составляя данный сборник, я не мог обойти стороной, творчество близких мне по духу людей, благодаря общению с которыми, во многом, и рождались мои «творения». На страницах данной книги Вы, познакомитесь с произведениями Андрея Николаевича Васильева, Владимира Николаевича Орлова и ряда других одарённых личностей. Эта книга предназначена для избранного круга читателей. Практически, для дружеского и семейного чтения.

© Молодняков С. А., 2013

© Горизонт, 2013

Содержание

Стихотворения (1979–1982)	7
Ковыль	7
«Осень устало кружит над городом...»	9
«В прошлогодней листве златоустой...»	10
Разговор со старым другом	11
«Простите, дорогая! Вы устали...»	12
Из стихотворного цикла «В ночи»	13
«Стуча железкой о сухой кирпич...»	13
«Орган надрывно пел в ночи...»	13
«В ультрамариновой дали...»	14
«Я вижу хрустальный дворец...»	14
«Привычно стало видеть мне...»	15
«Совсем немного избранных осталось...»	17
«Лист лениво скользит по уснувшей воде...»	17
«Белёсый снег избороздили тени...»	18
«На полях гуляет ветер –...»	18
Посвящение Сергею Есенину	20
«О, Сергей! Мне близок, стал до боли...»	20
«Рано утром, почти спозаранку...»	20
«Заходи за мной нынче, до зорьки...»	21
«Что ж! Немало ты в жизни понял...»	21
«Необычностью чудесен...»	22
«Тихую долину...»	22
Стихотворения разных лет	24
Баллада о казённой бане и домашней ванне	24
Заклинание комсомольского активиста	26
Матрёна	27
Стихотворение Андрея Васильева, посвящённое автору	28
Посвящение выпускникам 1984 года метеорологического факультета Воронежского ВВАИУ	30
Новоземельское майское утро	32
Стихотворение курсанта Владимира Орлова	35
В.Н. Орлову в день 50-летия	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Молодняков С.А. Облако в погонах

От автора

Дорогие друзья!

Вполне резонно задать вопрос, что подвигло вашего покорного слугу пуститься «по волнам моей памяти» и приступить к подготовке данного сборника? Ответ прост: желание вспомнить и рассказать о своём времени, близких людях, творческих поисках и о себе. Звучит несколько пафосно, но, учитывая, что автор относится к своей персоне с изрядной долей самоиронии – допустимо.

В силу жизненных обстоятельств и неистребимой природной лени никакой системной творческой работы в моей жизни не было, и все литературные и рисовальные опыты были «записками на манжетах», разбросанными во времени и пространстве. Приступая к этому проекту, пришлось, как в сказке: по сусекам поскрести, по амбарам помести и из того, что сохранилось, набрать на этот «колобок».

Ещё одним побудительным мотивом к изданию этой книги стал пример выдающегося человека – моего командира, боевого морского офицера, первого командира ТАКР «Адмирал Советского Союза Кузнецов», начальника Новоземельского ядерного полигона, начальника Управления кадров Военно-морского флота вице-адмирала Виктора Степановича Ярыгина, который ныне активно занимается общественной деятельностью, являясь председателем межрегиональной общественной организации «Московский союз новоземельцев» и членом Союза писателей России.

Виктор Степанович написал и издал за несколько последних лет целый ряд книг, посвященных крейсерам, на которых служил и которыми командовал; авианосцу, которому дал путёвку в жизнь; родному Калининградскому военно-морскому училищу; системе подготовки военно-морских офицерских кадров в России; Новой Земле и ветеранам Центрального ядерного полигона России.

К 600-летию моего родного города Лысково вышла книга «В самом сердце русской равнины». В ней моряк-североморец и профессиональный журналист, патриот лысковской земли Евгений Васильевич Вантеев собрал объемный материалы о знаменитых земляках и выдающихся уроженцах лысковского края.

И я действительно горжусь тем, что на страницах этих книг есть строки, посвященные моей судьбе, но захотелось рассказать, что-то и от первого лица.

Составляя данный сборник, я не мог обойти стороной творчество близких мне по духу людей, благодаря общению с которыми во многом рождались и мои «творения». На страницах данной книги вы познакомитесь с произведениями Андрея Николаевича Васильева, Владимира Николаевича Орлова и ряда других одарённых личностей.

Эта книга предназначена для избранного круга читателей. Практически для дружеского и семейного чтения. Осторожно: дети! В ряде эпизодов сюжеты откровенны, а лексика хоть и нормативная, но на грани.

Выражаю глубокую признательность Андрею Владимировичу Макарову, Сергею Генриховичу Мартину, Сергею Николаевичу Добровольскому и Игорю Александровичу Молоднякову за оказанную помощь при подготовке материалов для книги.

Особые слова благодарности Сергею Николаевичу Головнёву, с которым меня связывает дружба и многолетнее новоземельское братство, не утраченное в суете жизни больших городов, ибо он взял на себя инициативу по составлению и изданию предлагаемого сборника, глубоко и лично погружался в материал, к чьим советам я прислушивался, и кто, в конечном счёте, стал крёстным отцом этой книги.

Книгу я посвящаю моим дорогим родителям – Лилии Константиновне и Александру Павловичу Молодняковым.

Стихотворения (1979–1982)

КОВЫЛЬ

В разливе буйном сини
Волнуется ковыль,
Как серебристый иней –
На нём столетий пыль.

Он в землю врос, как стрелы,
С отливами свинца,
И нет ему предела,
Как полю – нет конца.

Впитал здесь каждый камень
Былинный аромат.
...Усиленный веками,
Звенит о щит булат.

И вновь: копыт смятенье
Вытаптывает круг.
Стрел злобное шипенье
Посмертным станет вдруг.

А конь, кося пугливо,
Хрипит под седоком,
Расплесканная грива
Трепещет под клинком.

Гарь раздирает солнца
Запёкшийся мазок –
Убитого тевтонца
Разрубленный висок.

Крик заглушает стоны,
Что обращёны ввысь.
Глаза Святой Мадонны
Над полем вознеслись.

Глаза полны печали,
Казалось, сквозь века
Зрачки их отражали
Кровавый цвет клинка.

И пел Младенца голос,
А может, пел ковыль.

На молодую поросль
Веков ложилась пыль.

1982 г.

«Осень устало кружит над городом...»

Нашей юности посвящается

Осень устало кружит над городом:
Дождь листопадный – с ветром и холодом.
В шорохах листьев – невнятные речи,
О расставаньи они, не о встрече.

Сквер, посеревший в бесцветной печали,
Даже деревья, казалось, скучали.
В арке напротив, в неоновом свете –
Девочка в джинсах и мальчик в вельвете,

Тихо стояли и слушали чутко.
Ветер над сквером рыдал, как малютка.
Акселерации мудрые дети –
Девочка в джинсах и мальчик в вельвете.

Всё понимали, но всё ль принимали?
Чувства светлели в осенней печали.
Молча склонился Ромео к Джульетте –
К девочке в джинсах тот мальчик в вельвете.

И расступались зданий громады,
Ветер не плакал, а пел серенады.
Двое их было на целой планете –
Девочка в джинсах и мальчик в вельвете.

1982 г.

«В прошлогодней листве златоустой...»

*За то, что сердце в человеке
Не вечно будет трепетать.
За то, что все вольются реки
Когда-нибудь в морскую гладь.*

Сундберг

В прошлогодней листве златоустой
Узнаю отболевшую боль.
Все истоки кончаются устьем,
Отыграв говорливую роль.

Человек – он исток по природе.
Жизнь течет, расширяясь, глубясь.
Но вот к устью приходим, и вроде
В миг теряется логики связь.

На пороге впадения в иное
Грустны, тщетны деяния все.
И значимое прежде, родное
Исчезает в холодной красе.

Неразгаданно. Грустно безмерно
Шепчет что-то плывущий венок.
В нём себя узнаю я. Наверно,
Я, как он, задержаться не смог.

Лебединая песнь в полуслове –
И на кладбище кладезь стихов.
Ну а людям, конечно, не внове
Забывать одряхлевших богов.

Что искал – не нашёл. Как в ненастье,
Затерялся, устал, а умру –
Отдохну от погони за счастьем,
Став бесцветно-холодным к утру.

За дощатой постелью поэта
Не пойдут, бахромю теребя.
Только роза, дыханьем согрета,
Упадёт от забытой тебя.

1979 г.

Разговор со старым другом

Вновь я с тобой. Ты такой же, как прежде –
Та же спокойная ласковость глаз.
Что-то случилось, поэтому реже
Мы понимаем друг друга подчас.

Прошное выручит, память поможет:
Вспомним былое, но всё не пойму –
Прежде мы были ужасно похожи,
Так же различны теперь. Почему?

Разные в радости, разные в горе.
Думал, что юность в душе сберегу.
Помнишь, я вышел в открытое море,
Ты оставался на том берегу.

Море не любит минорных и жалких.
Это и многое – искоренил.
Став самой крепкой, булатной закалки,
Я изменился, а ты сохранил.

Ты сохранил ту мечтательность в речи,
Эту наивность и свежесть ума.
Словно бы годы не пали на плечи,
И не покрыла виски нам зима.

Мне ж довелось испытать, даже слишком,
Многое: в мыслях и чувствах остыть.
Не оттого ли так жалко мальчишку,
Кем никогда и нигде уж не быть.

Знаю, что века отпущено мало,
Где-то усну и останусь в ночи.
Может, об этом сейчас трепетало
Пламя стоящей меж нами свечи?

Пусть суждено, но не мучаюсь – где же?
Смерть, как рождение, случается раз.
Я изменился, поэтому реже
Мы понимаем друг друга сейчас.

1981 г.

«Простите, дорогая! Вы устали...»

Простите, дорогая! Вы устали
Меня любить и обрели покой.
Шепча беззвучно алыми устами,
Благословите нежною рукой.

И я исчезну в беспокойстве ночи –
Мой голос оборвёт метели визг,
Но знайте, что люблю вас сильно, очень...
Как солнца луч влюблён в сверканье брызг.

Уйду путём, благословенным вами:
Спокойно сердце, ждущее тревог.
Укрыто синеватыми снегами
Избитое безмолвие дорог.

Ночи отброшен тёмно-синий полог,
Дорога нелегка и далека.
Предчувствуя, что век разлуки долог,
Благословила бледная рука.

1981 г.

Из стихотворного цикла «В ночи»

«Стуча железкой о сухой кирпич...»

Стуча железкой о сухой кирпич,
Застонет ветер, мня, виясь и воя.
Я в даль черну смотрю, у гроба стоя,
Как граф, сказавший за обедом спич.

Сей странный гроб, я сам себе принёс,
Быть может, согреша и не беспутно,
Хотя и действовал без пут, но...
Но этим разрешал иной вопрос.

Не телу бренному в пристанище дрожать,
Туда я опушу мне дорогое.
Быть может, душу грешну упокая,
Мой мрачный гений будет в нём лежать.

Я хороню стихи, не нужные толпе,
На них печать забвенья водружая.
Великих тени, молча окружая,
Встают вокруг в сочувственной мольбе.

Завял в ростке недюжинный талант –
Душа переполняется печалью.
Едва ли за столетий далью
Сей прах, найдёт старик-негоциант.

«Орган надрывно пел в ночи...»

Орган надрывно пел в ночи,
Последний звук – и смолк.
Оборванной струной души
Песнь продолжает волк.

С небес свинцовое пятно
Бросает мутный свет.
Темно ль, светло ли: всё одно –
Я вижу свой портрет.

Он – искушитель мой и рок,
Сообщник и судья:
В чертах – судьба, глаза – пророк

И суть моя, и я.
Переливается огнём,
Я нежен в нём и груб,
И многолик во тьме, но днём
Не видно муки губ.

«В ультрамариновой дали...»

В ультрамариновой дали
Неясно виден силуэт.
Над телом сумрачным земли
Мерцает звездопадный свет.

Мне мил забытый блеск его,
Предчувствия огонь томит.
Коль не осталось ничего –
Ничто не манит, не роднит.

Как скоро пыл во мне погас!
А много ли его имел?
Крылатый, солнечный Пегас
Меня коснуться не сумел.

От ласки лёгкого крыла
Я не проснулся осенён.
Жизнь, не начавшись, отцвела,
Ещё живущий – погребён.

«Я вижу хрустальный дворец...»

Я вижу хрустальный дворец,
В чертогах – алмазный ларец,
Над ним – золочёный венец,
А в нём – груды мёртвых сердец.

Я вижу чудеснейший сад,
Тончайший ловлю аромат.
Плоды берегут для усад,
Но каждое яблоко – яд.

Пред взором моим – дивный луг,
Ковёр из цветов лёг вокруг.
Но снова во взгляде испуг:
Меж травами – жала гадюк.

К простору морскому мой взгляд
Стремится и, видя, я рад,
Как жемчугом волны горят
И... тянутся руки наяд.

Моление вознёс к небесам:
Спасенья усталым глазам!
Свершилась судьба, наконец –
Теперь я довольный слепец.

«Привычно стало видеть мне...»

Привычно стало видеть мне,
Как много зим и лет,
Встаёт в синеющем окне
Кроваво-чёрный цвет.

И отблеск красит лунь небес
Под колокольный вой.
Предчувствую: не Бог, не бес,
Не мёртвый, не живой.

Но кто-то сеет цвет и звон,
Чернеет, где серел,
И слышится со всех сторон:
«Сгорел, сгорел, сгорел...»

Вновь опускает век кайму
Тот неизвестный Он,
Надеясь, наконец пойму
И разгадаю сон.

...Брожу средь скопища теней:
Крик хриплый, чей-то смех,
На фоне туч, земли темней, –
Распятый человек.

Я всматриваюсь: тих и строг,
Безмерна грусть в глазах –
Она в лучах священных строк,
Жива на образах.

Угарна площадная брань,
Всё ощутимей злость.
Вдруг свет сквозь облачную рвань
Высвечивает гвоздь.

Кровавый гвоздь зардел огнём,
Горит, как тает плоть.
Среди толпы во мне одном
Святая грусть поёт.

Гармонию её сберёг,
Мгновенье – он б воскрес,
Но красно-чёрный заволок
Обуглившийся крест.

1979–1980 гг.

«Совсем немного избранных осталось...»

Анатолию Козлову

Совсем немного избранных осталось
Людей, в которых есть ещё душа.
Но, подменив прогрессом эту малость,
Бредут народы, к пропасти спеша.

Да, мало нас. И ждет, увы, забвенье
И чувства лучшие, и мысли, и слова.
Мы чуждые – не их цепи мы звенья,
Но знаем истину – толпа всегда права.

В мученьях мы влачим существованье,
Лишь изредка нас посещает новь.
То вечное, что движет мирозданьем,
Зовётся просто и смешно – любовь.

А что душа? Выгуливаем тело,
Ведь финиш, вроде бы, ещё далёк.
Вершим ненужное, пустое дело.
В дела нас любопытства бес завлёт.

Бежим, спешим. Куда? Зачем? – не зная.
Но, впрочем, будем делать так до пор,
Когда доска дубово-гробовая
Поставит точку, завершая спор.

Но коль пока мы живы и упруги,
Коль вжились в трепетанья пестроту,
Коль с нами зодиаковы зверюги
Сцепившись, улетают в пустоту.

То интересна жизнь: вкус, звук её и краски.
Пульсирует пока души оплот
И, не желая с Вельзевулом пляски,
На Ноев лезем, задыхаясь, плот.

1979 г.

«Лист лениво скользит по уснувшей воде...»

Лист лениво скользит по уснувшей воде,
Жёлтой каплей вписавшийся в гладь.
Всё спокойно, дремотно: ни звука нигде,

Очарованный сон – благодать.

Высоко в небесах проплывает журавль,
В дымке золота крон – алтари.
Всё казалось – плывет долгожданный корабль
Цвета ало-пурпурной зари.

Как милы эти сказки из девичьих грёз
И чисты, как зимой облака.
Только жизнь не даёт нам поверить всерьёз,
Извратив, обманув, оболгав.

Этой сказке сто лет, и скажу я сейчас:
Мило всё и красиво, но, Грин,
О прекрасной Ассоль, о любви ложен сказ,
Алый парус, как воздух, незрим.

1979 г.

«Белёсый снег избороздили тени...»

Белёсый снег избороздили тени,
То чёткие, то видные едва,
Два дерева стоят в нём по колени,
Как два седых языческих волхва.

О, чародеи! верящие в диво.
Они зовут весеннее тепло,
Но падают неслышно и тоскливо
Снежинки на замёрзшее стекло.

Царица льда, опять твои метели
Живое заставляют замерзать:
Саванный пух, где кроны зеленели
И простиралась водяная гладь.

Голубизна, сгущаясь и темнея,
Равнину перекрашивает в синь.
Два дерева в безмолвии томленья
И холода, что неразлучен с ним.

1981 г.

«На полях гуляет ветер –...»

На полях гуляет ветер –
Необузданный конёк.

Синий полдень далью светел,
Холодам конец далёк.

Мятно пахнет от сермяги,
На дворе – унылый пёс.
Под окном поют бродяги,
Кто в мученьях правду нёс.

Для людей они как травка,
Обречённая на корм,
И церквушки малой главка
Предвещает новый шторм.

Снова виден лик пречистый
Под заснеженным стожком.
Мчится колесница, мчится
С новоявленным божком.

1979 г.

Посвящение Сергею Есенину

«О, Сергей! Мне близок, стал до боли...»

О, Сергей! Мне близок, стал до боли
Твой напевный, искренний язык.
С ветром ты, с простором, с небом, что ли,
В душу журавлиную проник?

Для людей готов был сердце вынуть,
Бесшабашный, грустный хулиган.
Не хотел ты край родной покинуть,
Но ушел безвременно в туман.

До сих пор слова твои простые
Очищают внутреннюю муть.
Край полей, с названием – Россия,
С ними смог счастливее вздохнуть.

«Рано утром, почти спозаранку...»

Рано утром, почти спозаранку,
Только гонят в стада коров,
Запевала твоя тальянка
У бездушных чужих дворов.

В твою чистую, детскую душу,
Когда пламень ещё не погас,
Не боясь сапогами порушить,
Потешаясь, плевали не раз.

Говорили, мол, слишком был труден,
Насладившись, бросали тебя.
В сером холоде питерских буден
Не сумел уберечь ты себя.

А теперь, появляясь оттуда,
Может, птицей, может, цветком,
В край берёзово-белого чуда
Ты спешишь погрузить о былом.

«Заходи за мной нынче, до зорьки...»

Заходи за мной нынче, до зорьки
Побежим по росе на поля.
Будем слушать внимательно, зорко,
Как звенит, просыпаясь, земля.
Как табун лошадей на холмину
Забираясь, заскачет гуськом.
Как туман, покрывавший низину,
Разливаясь, боднётся с леском.

Побредём заливными лугами,
Воздух там разнотравьем пахуч.
Может, где-то вдали, за стогами,
Ходит-бродит оранжевый луч.

И в тиши у ольхи иль осины
На копне восседает Иисус,
Вдаль глядя своим оком синим
На бескрайнее чудо – Русь.

«Что ж! Немало ты в жизни понял...»

Что ж! Немало ты в жизни понял,
Эта грусть в глазах – не обман.
Знать, не вынесли чудо-кони
Из болота тебя, хулиган.

Ты был тоже когда-то хорошим,
Ведь недаром любили тебя,
Но смешала пурга с порошей
И утихла, всё соскребя.

Помнишь, что-то шептали губы,
Брызги глаз, поглотивших мглу.
В дымке сизой желтели срубы,
Блеск реки уподоблен стеклу.

Томноокий, сиреневый вечер
Ты не понял и не сберёг.
Дым волос ниспадал на плечи,
Сердца бился слепой зверёк.

К дням ушедшим не будет возврата,
Ты пресыщен и вечно пьян.

И не знаешь, награда ль, утрата,
Если вдруг замолчит хулиган.

«Необычностью чудесен...»

Необычностью чудесен
Хмурый день осенний:
В музыке безмолвных песен
Предстаёт Есенин.

Для иных лишь ствол кленовый,
В веток ломкой пряже.
Облик милый, облик новый
Согревая, глажу.

Припадаю к хрупкой ветке,
С ней единым ставши.
Блекнет в паутины сетке
Песни лист опавший.

Позабыть родные песни
Суждено едва ли –
Журавлиный крик, как вестник
Царственной печали.

В птицах, в песнях, в них и с ними
Жизни бесконечность.
Плачет каплями скупыми
Тающая вечность.

«Тихую долину...»

Тихую долину,
Серебристый плёс,
Косогора спину
В сердце я унёс.

Громкий лай собаки,
Радужную взвесь,
Золотые злаки –
Край родимый весь.

Свет родного дома,
Тополиный ряд –
Мило и знакомо

Много лет подряд.

Щек румяных глянец,
Сильный и живой,
Парень-оборванец –
Всё во мне, со мной.

Знай, непостижима,
Матушка, ты, Русь!
Без судьбы нажима
На тебя молюсь.

1979 г.

Стихотворения разных лет

Баллада о казённой бане и домашней ванне

(сочинено в ванной комнате 24 декабря 1978 г.)

Мне говорят, что «кайф ловить»
Возможно только в бане,
Но мне приятней воду лить
В своей домашней ванне.

Лежу я в ванне, как король,
Мне Цельсий пятки варит,
А в бане ждёт иная роль –
Там банщик мозг изжарит.

Лежу в родимой – не иду,
Над бёдрами колдую.
В ином же месте, как в аду:
Там бес ревёт, линчуя.

Мне говорят «Не тот парок,
Не та температура».
Но порка веником, дружок, –
Садистов процедура.

Нет, в секту тайную хлыстов
Я не согласен влиться.
Здесь с вас сойдёт по сто потов,
А как багровы лица!

Ведь в бане можно лечь костями –
Скончавшись от угара.
Родная ванна, внутрь прими,
Спасая от пожара.

В твоей утробе, как в раю,
Я ангелу подобен.
Иль песни громкие пою
Под душем – он удобен.

Или мечтой за облака
Я уношусь в отраде,
Что будто б мылю я бока

Русалке иль наяде.

Итак, всё ясно, господа,
Мне в бане – некрасиво.
Век не являлся бы туда,
Но я любитель пива.

Заклинание комсомольского активиста

Посвящается XVIII съезду ВЛКСМ

Солнце ласковой букашкой
С облака скатилось.
Утро радугую-пташкой
Вновь принарядилось.

Дождь прошёл, смочив дорогу,
Кошку, одуванчик.
Не молись иконе-Богу,
Деревенский мальчик.

Помолись лесам и долам
В солнечной оправе,
Где поют канонным хором
Соловьи в дубраве.

Помолись ещё старушке
С высохшей клюкою
И малютке-деревушке,
Мне, хоть и не стою.

Солнце вновь ушло в берлогу,
Вышел месяц-зайчик.
Не молись иконе-Богу,
Деревенский мальчик.

1978 г.

Матрёна

(сочинено в соавторстве с Андреем Васильевым)

Чёй-то сердце захолонуло,
Чёй-то кровь застыла в висках,
И чавой-то в жавот стрельнуло,
И застыл я, портянку сжав.

То невеста моя, Матрёна,
Доставала с полатей квашню.
Возопил я: «Уронишь, ядрёна!»,
Отвечает: «Не уроню».

Опасенья мои напрасны,
Ведь Матрёна сильней быка:
Её щёки – яблоки красны
И округлы её бока.

Я Матрёну люблю сердечно,
Лучше бабы мне не найти.
Тут уж так мне стало потешно,
Ну да ладно – пора идтить.

1978 г.

Стихотворение Андрея Васильева, посвящённое автору

Пусть я – Седой¹, а ты – Копчёный²,
И с виду мы не Геркулесы.
Киваешь головой учёной,
Мудрец, поэт-крикун, повеса.

Ты чашу сердца наполняешь
Вином, с которого хмелею.
И, рассуждая, подливаешь –
Подмешивая мысли к зелью.

Я, как и ты, – дружу с искусством:
Строка – аккордом, звук – поэмой.
Но дружба не сильнее чувства.
(Ах, да! Я отошёл от темы.)

Парнишка бравый – то, что надо!
Легко живёшь в стихов стихии.
Границы нет у рая с адом.
То здесь, то там, ты – сын России.

Но почему ж России? Надо
Известия стрелой мгновенной
Весь мир пронзить. Эй, люди, рады?
Вот – сын Земли, вот – сын Вселенной!

Молчат людишки. Ну, Бог с ними!
От дел суетных мы их отрывать не будем.
Господь их сам создал такими,
Что толку бить в веселья бубен?

1979 г.

¹ Эрнест Седой – литературный псевдоним Андрея Васильева.

² Остап Копчёнов – литературный псевдоним Сергея Молоднякова.

Посвящение выпускникам 1984 года метеорологического факультета Воронежского ВВАИУ

(в соавторстве с Эдуардом Багрицким и не только)

Нас бросала молодость
На плацовый камень,
Нас водила молодость,
Строем – по нужде.
Присягала молодость
Брежневскому знамени
И желала здравствовать,
В круговой вражде.

Нас имела молодость
В караулах чёртовых.
Нас манила молодость,
Словно грудь четвёртого.
Строевым почином
Подчинили нас,
Старшиной, сучиной,
Исцелили нас.

Чтобы не глядели мы,
Словно волки – в лес,
Чтобы стали плотью мы
Славных ВВС.

Берегли мы молодость
От «сотского» сглаза.
Годы полосатили
Форменный рукав.
Не обезобразила нас
Знания зараза.
Выросли без принципов,
Коль росли без прав.

Вот мы, победители,
Глянцевито выбриты.
К нам как победителям
Всё плывёт само.
Позади нас – молодость,
Впереди ждёт молодость,
Полковая молодость: дамы и вино.

Новоземельское майское утро

(парафраз стихотворения А.С. Пушкина)

Мороз и солнце; день воскресный!
Голец готов, коньяк прелестный –
Пора, красавица, проснись!
Прогноз отличный, ясны взоры.
Служебные забудем вздоры.
Умойся и Звездой явись!

Вчера борá, как дьявол, злилась,
Метель при «минус двадцать два» носилась,
И штаба бледное пятно
Едва сквозь снега мглу желтело,
И ты печальная сидела –
А нынче... погляди в окно:

Полярный день, как прежде, с нами.
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Облезлый ДЭС-один³ чернеет,
И ДОФ⁴ сквозь иней зеленеет,
«Фекальный Шмидт»⁵ ледком блеснит.

Вся комната фонтанным блеском
Озарена. С веселым плеском
Свистит из батареи течь.
Устал я подставлять ей банки.
Так хочется послать всё к ... бабке
И хоть куда-нибудь убець.

Велю-ка заложить карету,
Да не шикарную, а эту,
Что «гэтээской» здесь зовут.
Не много их осталось ныне,
Но, вам, как истинной графине,
Поломанную, но найдут.

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу

³ ДЭС – дизельная электростанция.

⁴ ДОФ – Дом офицеров флота.

⁵ «Фекальный Шмидт» – озеро Шмидта, расположено в центре посёлка Белу-шья Губа, куда, при отсутствии очистных сооружений, стекают канализационные стоки.

Неторопливой ГТС⁶.
Мы навестим дома пустые,
Площадки, прежде столь густые,
И кран, торчащий до небес.

Май 2002 г.

ГТС в ледяной пустыне

⁶ ГТС – гусеничный вездеход.

Дорога к штабу полигона и крану

Курсант Владимир Орлов. 1974 г.

Стихотворение курсанта Владимира Орлова

Фронты окклюзии прошли,
Но, Боже мой, какая жалость!
В глухой заснеженной дали
Метеостанция осталась.

Стоит она уж много лет,
Тая надежду перемены,
И льет прожектор тусклый свет
На дом с ромбической антенной.

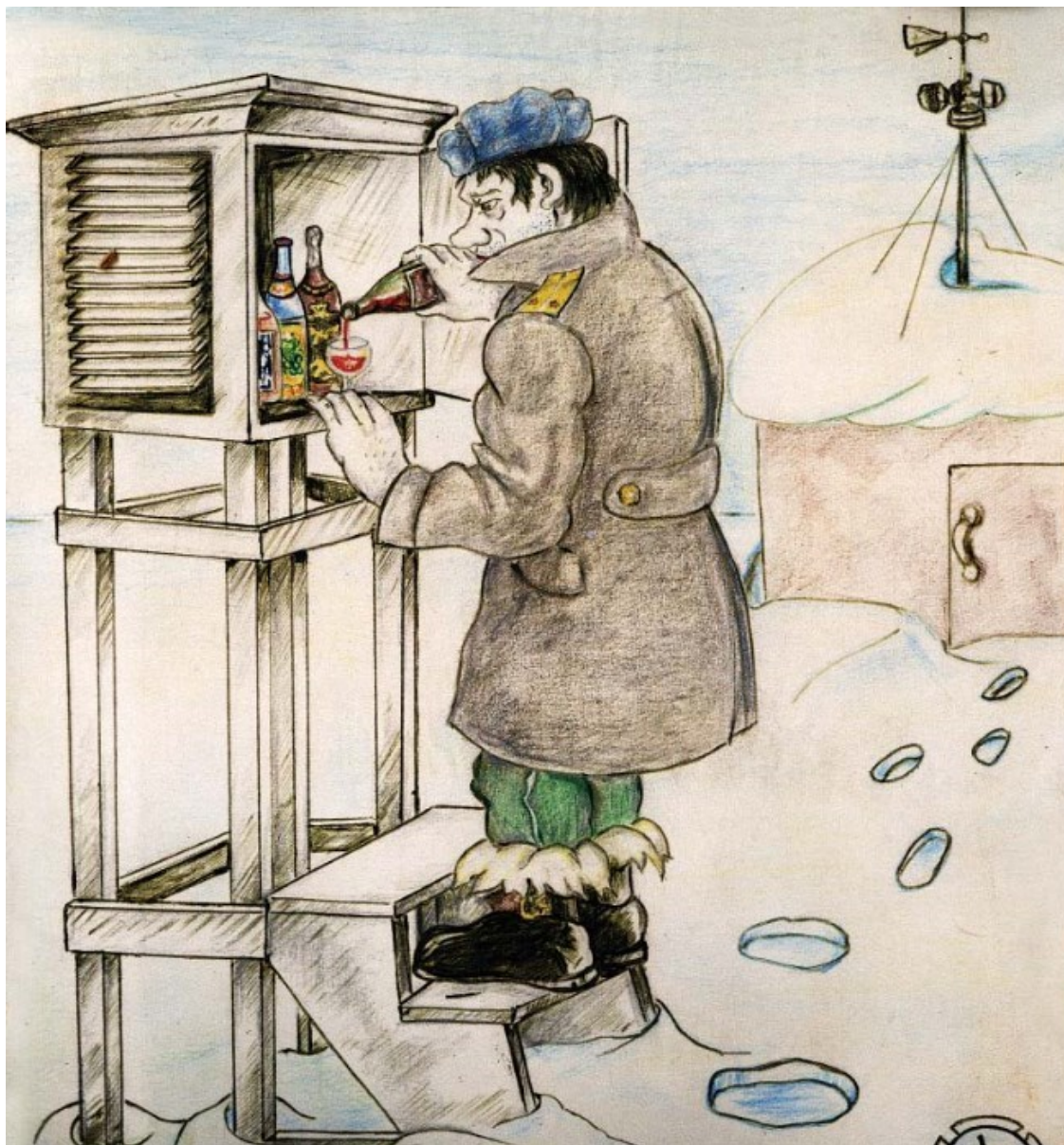
От теплых окон валит пар –
Седой, как стекла старых оптик.
И там, над группой изобар,
Всю ночь работает синоптик.

О, тундра, как ты хороша!
Богам и людьми забыта,
А у синоптика душа
Морозным инеем покрыта.

Творя божественный полёт,
Как будто встарь, как будто в ссылку,
Сюда раз в месяц вертолет
Привозит почту и посылку.

И каждой ночью ему снится:
В косе дочурки белый бант,
Весна и теплые зарницы,
И звание «старший лейтенант».

1975 г.

Так в военной авиации положено: ежечасные метеонаблюдения, с выходом на метеоплощадку и тщательным снятием показаний приборов

Начальник Гидрометеорологической службы Вооруженных Сил Российской Федерации (2004–2009 гг.), заслуженный метеоролог России, кандидат технических наук, полковник Владимир Николаевич Орлов, поэт, автор-исполнитель

В.Н. Орлову в день 50-летия

«Фронты окклюзии прошли...»,
А стих в народе задержался.
Как песнь воронежской земли,
Где ты с Любовью повстречался.

Где офицером стал навек.
Затем служить продолжил в Польше,
Но портил жизнь Валенса Лех
(Теперь уродов стало больше)!

Вот и настал известный срок,
Вам за Амур – с лихвой досталось.
Поэт, он все-таки – пророк,
Коль слово делом отозвалось.

Тайга в Приморье хороша!
Там, вопреки снегам и грозам,
Синоптик мудрый, чуть дыша,
Корпел над картой и прогнозом.

Прошло немало лет с тех пор;
Жена, два сына – что же лучше!
Да и с судьбой не кончен спор,
И бант блеснет в косе у внушки.

В Арбатском округе служить,
Не изменив себе и делу,
Умеешь жить, любить, дружить
И Службой управлять умело.

Кремль рядом, Генеральный штаб –
Пейзаж достойный к юбилею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.